

ДОНАТАС БАНИОНИС

ВНЕ КАДРА

Советский разведчик Ладейников, герой только что вышедшего на экраны фильма «Мертвый сезон», сразу же привлек внимание зрителей и критики. Интересный образ создал Донатас Банионис... Это не первая работа талантливого литовского актера, снявшегося в фильмах «Адам хочет быть человеком», «Хроника одного дня», «Маленький принц». В 1967 году он был удостоен Государственной премии СССР за участие в картине «Никто не хотел умирать».

С первых слов Банионис очень к себе располагает. Свойский добродушный тон, дружелюбная, несколько смущенная улыбка (еще не привык интервьюироваться), серьезный взгляд на вещи, ни тени рисовки или невнимательности к собеседнику.

— Донатас... Извините, ваше отчество?

— Отца звали Юозас. У литовцев отчество звучит иначе, у меня в паспорте написано Донатас Юоза Банионис.

— Расскажите о себе, о своих родных.

— Родился я в Каунасе в 1924 году. Отец был портным. Коммунистом. В 30-е годы ему пришлось эмигрировать, уехал в Бразилию, но там его арестовали, держали два года в тюрьме, а затем выслали назад в Литву. Во время фашистской оккупации отец был в коммунистическом подполье. В 1945 году он стал секретарем волостного комитета партии.

— Значит, события, ярко показанные в фильме «Никто не хотел умирать», касались его непосредственно?

— Борьба с националистическими бандами? А как же, конечно! Снимаясь в этом фильме, я нередко обращался к отцу за советами, хотя мне и самому довелось кое-что увидеть... Мою маму зовут Она, порусски Анна, она домашняя хозяйка. Моя старшая сестра Данута — фармацевт, жена — Она Банионене, артистка Паневежского драматического театра. Мой старший сын Эгидиус — ему двадцать лет — учится в Московском историко-архивном институте, младший, одиннадцатилетний Раймондес, школьник.

— А как вы учились в школе? И как стали актером?

— Учился отлично, честное слово! Школу окончил с золотой медалью, хотя и с некоторым опозданием, из-за оккупации. Мечтал в детстве стать пожарником или матросом. А когда чуть подрос, в Каунасе создали молодежный театр-студию, который затем переехал в Паневежис. Я поступил туда — скорее в студию, чем в театр. С тех пор и играю на паневежской сцене.

— Конечно, вы помните свою первую роль?

— Еще был То была главная роль — школьника — в литовской пьесе «Поросль». После было много ролей. Играл Павла Корчагина, Банко в «Макбете», Андрея в «Женитьбе Белугина», Ломена в «Смерти коммюжера», Тесмана в «Где Габлер»... Много.

— Сейчас вы столько снимаетесь... Не придется ли оставить Паневежский театр?

— Ни за что! Поймите,

это не только хороший театр и не просто театр. Я вырос в нем, научился всему, что умею, с ним столько связано. Это как семья, как дом.

— Вы удовлетворены своими ролями в кино?

— В том смысле, интересно ли было работать? Не всеми... «Никто не хотел умирать» — первая по-настоящему сложная работа. Еще более сложная и интересная для меня — «Мертвый сезон».

— Донатас, объясните, пожалуйста, как вы работаете над ролью. На конкретном примере — Ладейникова в «Мертвом сезоне».

— Поначалу я боялся за эту роль браться. Внешность у меня, скажем прямо, не героическая. Стрельба, драки и погоня в чистом, так сказать, виде меня не очень волнуют. Словом, я казался и кажусь себе весьма далеким от образа кинематографического разведчика. Но беседа с режиссером Саввой Кулишом развеяли мои сомнения. Решено было психологически раскрыть образ, внутреннее состояние, идейную сущность человека, убежденного в правоте своего дела, верного долгу и гуманнейшей идее, которой он служит, человека, которому грозит большая опасность.

Мне помогла встреча с прототипом Ладейникова: передо мной был чехист, человек очень близкий мне каким-то неуловимым нашим с ним сходством. А дальнейшее знакомство показало глубину, вдумчивость, доброту, даже неожиданную мягкость этого отважного с негнбимым характером человека... Как я работаю? Я думаю. Хожу и думаю. Что может дать этот эпизод всей роли и всей картине? Каковы отношения между мной и другими персонажами. Как бы не раскрыть идею в лоб (худший способ раскрытия идеи в искусстве, в этом я убежден). Что и как я сейчас буду говорить перед камерой. О чем я сейчас буду молчать...

— Несколько слов о партнерах. С кем вам нравится играть?

— Никого не хочу обижать, со всеми хорошо. С Роланом Быковым необычайно интересно, он — полная противоположность мне, я наблюдал у него любопытнейшие формы выражения мыслей и чувств. Хорошо сниматься с друзьями из Паневежского театра, с Бабкаускасом например. Первый из русских партнеров в кино — Иннокентий Смокуновский. Как я ему признателен! Я ехал на съемки фильма «Берегись автомобиля» в панике: язык знаю неважно, опыт невелик, получилась ли? Иннокентий подбадривал меня, дружески поправлял, снимал шуткой напряженность, говорил: «Слушай, Донатас, а не произнести ли это вот с такой интонацией?»

— В «Мертвом сезоне» вы блеснули знанием самбо. А в жизни вы владеете самбо? Могли бы всерьез постоять за себя? Вы стреляете, водите машину?

— Меня научили двум-трем приемам самбо; боюсь, что в серьезном столкновении мне бы мой «грозный арсенал» приемов не помог. Стреляю?

(Смеется). Курок-то я нажму, а вот куда попаду... Машину вожу.

— Когда выпадают свободные дни, что вы делаете?

— Только одна свободная неделя была у меня в 1968 году. Провел ее на пляже и в море. А вот когда выпадают свободные часы, совершенствуюсь в языках. Знаю, кроме родного, русский, польский и немецкий. Очень люблю Чехова, Грина, Камю, их анализ человеческой души. В музыке разбираюсь мало, но слушаю с удовольствием и Чайковского, и Шопена, и Бетховена, и джаз. Музыка — фон нашей жизни. Есть одно тайное увлечение: собирать грибы.

— Науки вас не привлекают?

— Что вы, наоборот! Интересуюсь физикой. Кибернетикой. Космосом. С глубоким интересом прочитал работы Эйнштейна. Если попадается книга или журнал с интересной научной статьей, стараюсь не выпускать ее из рук.

— Вы сейчас, кроме «Красной палатки», снимаетесь в «Короле Лире». Как вы относитесь к классическим ролям?

— С почтением. Это большая школа для актера. Классика потому и стала классикой, что она очищена от всего преходящего. Правда, я не хотел бы играть в инсценировках или экранизациях. В романе многое сказано от автора и многое скрыто между строк, и на сцене или экране это бывает невозможно передать... Я сейчас перечитываю Шекспира и думаю: не изменилось многое в человеке за четыре-ста лет, та же любовь, мудрость, ревность, доброта, глупость, то же злонаравие или великодушие.

— Как вы полагаете, Донатас, вы — человек веселый или мрачный, общительный или нет?

(Смеется) — Пожалуй, не очень общительный. Мрачноватый.

— «Мрачноватый», а сами смеетесь...

— Это я притворяюсь...

— Вас, наверно, узнают на улице, в автобусе, магазине.

Как вы относитесь к популярности?

(Морщится) — Не люблю это нескромное слово. То, что меня стали узнавать, стесняет, много неудобств. Предположим, еду в поезде, соседи по купе или из другого купе начинают расспрашивать. Я человек вежливый, не могу отказать, прервать затянувшиеся разговоры, даже если очень устал. Приятно быть популярным, но на расстоянии от разговорчивых попутчиков.

— О какой роли вы мечтаете?

— Я не мечтаю. Хочу делать что-то мне неизвестное, новое, не прямолинейное, в чем можно найти сложность. А загадывать не люблю. Бывает, когда чересчур носишься с какой-то «заветной» ролью, готовишься, надеешься, ждешь, — перегоришь, как взволнованный спортсмен до старта, и ничего путного не выйдет...

Э. ЦЕРКОВЕР.

(АПН).